

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

В. И. ВЕРНАДСКИЙ

[Молодые годы]

Из письма Н. Е. Старицкой¹. 29.05.1886

<...> Родился я здесь, в Петербурге, в начале 1863 года, отец мой тогда был здесь профессором в Лицее² и Технологическом институте и издавал экономический журнал³. Но я недолго остался в Петербурге, и нет у меня почти никаких воспоминаний, связанных с этими первыми годами жизни. Как в тумане вспоминаются мне Летний сад с памятником Крылова, вспоминаются и первые уроки грамоты, которой я учился тогда по деревяшкам и по заглавиям газет, вспоминается первая елка, произведшая на меня, по рассказам, такое впечатление, что я, никогда до тех пор не ходивший, сразу пошел, побежал. <...>

По рассказам, я был здоровый, замечательно тихий и серьезный ребенок; любил поспать, хорошо поесть, одним из моих любимых занятий было рассматривание разноцветных лоскутков и украшение ими своей собственной особы. Любил я рассматривать и раскладывать бумаги, и, курьезная вещь, я еще теперь, когда пишу, с каким-то удовольствием вспоминаю большую корзину под большим письменным столом (хорошие письменные столы были одной из причудей отца) в темноватом кабинете отца; помню, кажется перед отъездом в деревню, как я вытаскивал оттуда бумаги, и помню радость, с какой нашел там какую-то книжку с картинками, должно быть преискурант. Должно быть, однако, она доставила мне глубокое, большое наслаждение, так как эпизод этот силен и теперь у меня в памяти.

В 1868 году, когда мне было не более 5 лет, мы должны были покинуть Петербург и уехали сперва в деревню, в Рязанскую губернию... С отцом от усиленной работы сделался удар, и он лишился возможности хорошо говорить (а он был, говорят, замечательным оратором), и доктора посоветовали ему уехать на

юг. Он взял место директора конторы Государственного банка в Харькове.

Из письма Н. Е. Старицкой. До 3.06.1886⁴

<...> Мои религиозные воззрения в детстве развились сильным образом благодаря влиянию детской — няни, детей сторожей банка, с которыми я играл, и затем под влиянием чтения священных книг, причем особенно сильно на меня действовали тогда «Жития» и «Ветхий завет». В семье у нас царил полный религиозный индифферентизм; отец был деистом, мать была неверующая, я ни разу, например, в жизни не был на заутрене перед Светлым Воскресением, каждый раз собираюсь, да все как-то нельзя бывать. Сильное влияние имела, должно быть, няня (она и теперь нянчит моего племянника у сестры и является другом дома), человек чрезвычайно хороший и положительно умный. Ей обязан я и резким порицанием барства, которое она очень не любила, впервые узнал про освобождение крепостных и помню в детстве ее выговоры, если, будучи избалованным ребенком, грубо или резко говорил ей или прислуге: «Что ты это, теперь нет крепостных, нет бар — все люди» и т. п. <...>

Я любил всегда чудесное, фантастическое; меня поражали образы «Ветхого завета», и я теперь еще помню то наслаждение, с каким я читал историю Саула и Самуила, Авессалома и Давида; мне очень часто представлялись Авель и Каин и т. д. Эти образы вызывали у меня бесконечный ряд вопросов; я верил существованию рая и задумывался, где он находится, меня интересовали вопросы, как жили Адам и Ева, на каком они говорили языке etc. Среди мальчуганов, детей сторожей, с которыми я, несмотря на запрещение, любил играть, я слышал также рассказы, почерпнутые из апокрифических книг⁵, которые ходят и поныне в Малороссии среди народа; а рассказы о домовых, о чертях наполняли мою фантазию еще и еще сильнее. Я создал себе какую-то религию, полную образов, то страшных, то нежных, но которые жили везде и всюду. Помню, как глубоко и сильно меня интересовали вопросы о том, что делается с душою после смерти, и рисовалось мне, что она долго (40, кажется, дней) летает вокруг тел, не может попасть туда, и ей холодно, ей страшно тяжело, она видит, как плачут, как рыдают кругом родные, как ее тело предают земле. То слышал я, что и тело это еще долго слышит, хоть и не видит... Все такие образы все сильнее и сильнее смущали меня; я писал Вам, что я был в детстве трусом, а

тут кругом и всюду мне стали рисоваться образы домовых или мертвых летающих душ, я боялся оставаться один в темной комнате, со страхом пробегал из одной в другую, потому что мне казалось, что я их вижу, что я их слышу. Иной раз ночью я просыпался, и мне казалось, что я слышу голос, звавший меня: «Володя, Володя, Володя!» Дрожа, отзывался я: «Я здесь, Господи», но все смолкало, и только, казалось мне, кто-то где-то захочет, из одного угла перейдет в другой хохот, и я со страхом зажмурился, крестился, читал молитвы, с головой закутылся в одеяло... Я помню, как сильно на меня действовала смерть, я, казалось мне, видел этих мертвецов, мрачных, унылых, становившихся вокруг меня, и помню, как перепугал няню, с которой спал в одной комнате; ночью, проснувшись, я стал уверять ее, что ее брат, который недавно умер, стоит тут, в углу и грозит мне. <...>

Из письма Н. Е. Старицкой. 6.06.1886⁶

<...> Жизнь в Харькове, где отец был управляющим конторою Государственного банка, представлялась в то время мне одной из самых лучших жизней, какие возможно желать. Жили мы хорошо, богато, все наши желания — детей — исполнялись очень скоро, и даже слишком; никаких неприятностей нам испытывать не пришлось. Самыми светлыми минутами представляются мне в это время те книги и мысли, какие ими вызывались, и разговоры с отцом и моим двоюродным дядей Е. М. Короленко, помнится также сильное влияние дружбы с моим старшим братом⁷ (он был значительно старше меня, родился в 1851 году). Я рано набросился на книги и читал с жадностью все, что попадалось под руку, постоянно роясь и перерывая книги в библиотеке отца, довольно большой, хотя и случайной, так как библиотека, которую он составлял всю жизнь, была частью продана, частью пропала во время его болезни в 1868 г. Книг было очень много у меня и у сестер⁸, с которыми я жил не очень дружно. Характеры у нас были разные, я был больше флегматик (вскоре, однако, переменялся), они — живые, бойкие девочки, ужасно балованные. Я читал все, что попадалось под руку, но в эти первые годы я особенно помню разные географические книги, не только путешествия, но даже и довольно сухие и, казалось, малодоступные для моего возраста, например Реклю «Земля»*

* Реклю Э. Земля: Описание жизненных явлений земного шара. СПб., 1872.

и затем <вышедшие в издательстве Лихачева и Суворина «Великие явления и очерки природы» *; последней книгой я положительно зачитывался и до сих пор помню страшно сильное впечатление, какое произвело на меня описание моря (кажется, из «Фрегата Паллады» Гончарова). Кроме этих географических книг, любил я стихи, рассказы, но терпеть не мог тех, которые плохо кончаются, и обыкновенно раньше просматривал конец, если плох — не читал (это, впрочем, и теперь осталось у меня); в это же время я зачитывался историей, главным образом греческой, причем источниками мне были Вегнера «Эллада» **, какая-то сильно растрепанная, сухая книжка, без начала и конца, которую я вырыл между книгами отца, затем Петискуса «Олимп» *** и т. д. Вообще, я читал все, что попадалось, и для своих лет был довольно развит, я присутствовал при всех разговорах отца, очень любил слушать их, притаившись где-нибудь в уголке, и живо помню только про Амадея и Карлоса, а Гарибальди⁹ был одним из моих героев. Конечно, все это было так смутно, так неясно, но в то же время захватывало довольно сильно. Хотя я читал очень много, но учиться не любил, хотя по сравнению с сестрами в семье считался очень трудолюбивым; и действительно, я сидел над книгой, точно готовясь учиться, а фантазия моя в это время витала бог знает где или я читал дальше то, что не надо.

Особенно сильное развивающее влияние на меня в это время имели разговоры со стариком дядей Короленко. Он жил в Петербурге, но очень часто приезжал и подолгу гостил у нас уже непременно каждый год. Это был оригинальный и довольно сильный человек. <...> Уже на старости лет он увлекся учением Дарвина и лет 15 был занят сочинением над происхождением человека, которого не кончил и рукопись которого хранится теперь у меня. <...>

Никогда не забуду я того влияния и того значения, какое имел для меня этот старик в первые годы моей умственной жизни, и мне иногда кажется, что не только за себя, но и за него я должен работать, что не только моя, но и его жизнь останется

* Великие явления и очерки природы: Географическая хрестоматия, составленная по сочинениям известных русских и иностранных ученых и путешественников. СПб., 1866.

** Вегнер В. Эллада: Очерки и картины Древней Греции. СПб.; М., 1901.

*** Петискус А. Олимп, или Греческая и римская мифология в связи с египетской, германской и индийской. СПб.: М. О. Вольф, 1861.

даром прожитой, если я ничего не сделаю. Вспоминаются мне темные зимние звездные вечера. Перед сном он любил гулять, и я, когда мог, всегда ходил с ним. Я любил всегда небо, звезды, особенно Млечный Путь поражал меня, и в эти вечера я любил слушать, когда он мне о них рассказывал; я долго после не мог успокоиться; в моей фантазии бродили кометы через бесконечное мировое пространство; падающие звезды оживлялись; я не мирился с безжизненностью Луны и населял ее целым роем существ, созданных моим воображением. Такое огромное влияние имели эти простые рассказы на меня, что мне кажется, что и ныне я не свободен от них. Эти рассказы, а также разговоры с ним, с отцом и братом впервые вызвали у меня религиозный скептицизм, работу мысли. <...>

Из письма Н. Е. Вернадской. 1.08.1888¹⁰

<...> В детстве я обладал некоторой способностью довольно тонко наблюдать явления окружающей природы, я помню, какое сильное впечатление производили на меня различные оттенки цветов и блески, я помню мои старания различать разные шумы, мальчуганом меня преследовала мысль воспользоваться слухом для большего познания явлений, и я мечтал придумать инструмент, который бы по данному шуму определял то явление, которое его производит, и те тела, какие при этом принимают участие (мне кажется и теперь, что неуменье пользоваться слухом лежит главным образом в том, что наше общее воспитание не приучает нас ценить это чувство, и взрослыми большей частью мы идем по проторенной дорожке исследования, где слуху нет места)...

Совсем поворот произвело во мне увлечение историей — война сербов с турками и пр., во все гимназические годы после 1876 года я ничему не научился, если не считать огромного, теперь большей частью забытого количества исторических фактов и некоторых взглядов и идей, порядочно, но отдельно придуманных. <...>

Из <Хронологии... . 21.11.1943 г.¹¹

<...> В гимназии я очень интересовался историей церкви, (священник М. Соколов) давал [книги] из своей библиотеки и из [библиотеки] гимназии.

Очень много пользовался библиотекой В. Кулжинского...

Главное дала домашняя жизнь — десятки журналов, русских и иностранных, которые выписывал отец. <...>

Из <Хронологии...>. Запись без даты¹²

<...> Скандал был на экзамене математики. Учитель Верещагин, очень хороший и знающий. Решая задачу (кажется, на построение), я решил не тем путем, которым он хотел. Он подошел посмотреть и сказал, что это верно, но что я решил не так, как нужно. Второе решение на доске имело ту же судьбу. Я рассердился, и когда я в третий раз опять решил по-новому, Верещагин пришел в математический азарт, и экзамен закончился моим триумфом, меня сконфузившим. <...>

А. Н. Краснов¹³ сыграл в моей жизни, гимназической и студенческой, большую роль. Прежде всего я обязан ему моим интересом к естествознанию. С ним я делал [экскурсии] в окрестностях Петербурга, главным образом в Удельном. Издавали рукописный гимназический естественно-исторический журнал. <...>

Из письма Н. Е. Вернадской. 30.07.1896¹⁴

<...> Я еще помню целый ряд мыслей, которые дали мне первые углубления в естественные науки, так как первые более сознательные чтения в этом отношении были у меня в Павловском парке. Обыкновенно с книгой я удалялся далеко в глухие места, и здесь космос Гумбольдта, космология Путяты, астрономические статьи Лапласа, Проктора и других дали мне необычайно много. <...>

Из <Хронологии...>. Запись без даты¹⁵

<...> Когда я кончил гимназию и поступил на 1-й курс естественного отделения физико-математического факультета в Петербурге, я не думал, что долго на нем останусь. Я мечтал о посещении тропиков, думал даже об эмиграции — не политической... Хотел окончить Университет и уехать за границу, во всяком случае повидать тропики. У меня были сильные украинские настроения, но очень отвлеченные и нереальные, украинский язык я знал очень плохо — разговорный. Интерес мой основной был астрономия, но я поступал не на математическое, а на естественное отделение. Я думал одновременно слушать лекции на математическом и естественном отделениях, считая, что мои способности к математике не так велики, чтобы заняться астрономией... Я думаю теперь, что мои сомнения в моих способностях были неправильны. Я прошел дифференциальное исчисление, начал интегральное, аналитическую геометрию, сфе-

рическую... геометрию. Кажется, слушал специальный курс у Воейкова¹⁶ (для математиков) по климатологии. Уже приват-доцентом у Берви прошел теорию групп, теорию определителей. Меня не интересовали задачи, но интересовали общие принципиальные вопросы, много читал по основам геометрии. <...>

Из статьи «Из прошлого». Февраль 1916 г.¹⁷

<...> Университет имел для нас всех огромное значение. Он впервые дал свободный выход той огромной внутренней жизни, какая кипела среди нас и не могла проявляться в затхлых рамках гимназии. Выход в университет был для нас действительно духовным освобождением. <...>

Из <Хронологии...>. 26.01.1941¹⁸

<...> Я решил, но ничего не говорил матери, по окончании университета уехать за границу, кругом света — хотел видеть тропики. В семье я жил своей жизнью. И думая об отъезде надолго, даже об эмиграции, т[ак] к[ак] я тяжело переживал гнет самодержавных форм, которые казались порочными. <...>

Из <Хронологии...>. Запись без даты¹⁹

<...> Встреча с Натальей Егоровной Старицкой²⁰ совершенно изменила мои, казалось, прочные планы. <...>

